

Толстяк перевел взгляд и протянул руку, чтобы взлохматить макушку Линь Юэ.

— Будешь?

— Буду, — кивнула Линь Юэ.

Так Линь Юэ, которой по лунному календарю исполнилось всего пять лет, ступила на путь детского труда. Постоялый двор «Безымянный» славился множеством гостей, однако толстяк-шеф-повар был человеком непростым: на кухне требовалась идеальная чистота, он не выносил ни малейшей соринки. Предыдущую посудомойку прогнали всего пару дней назад, и толстяк как раз вышел на улицу выбросить мусор, никак не ожидая, что на обратном пути он притащит с собой малолетнего работника.

— Ой, где это ты умудрился смутить и увести чужого ребенка? — Хозяйка была прелестной и соблазнительной женщиной. Она носила фиолетовое платье-жюньцзюнь, двигалась плавно и изящно, обладала пышными формами, круглым лицом и белой кожей — с первого взгляда было ясно, что это женщина из богатой и знатной семьи.

— Разве нужно было смущать? Девчонка сама на порог явилась, верно ведь, малышка? — Толстяк улыбнулся так, что глаза превратились в щелочки.

Хозяйка внимательно оглянула толстяка и презрительно хмыкнула:

— Смотри-ка, небось думаешь заставить эту кроху уборкой заниматься? Сколько ей вообще лет, что она может сделать?

— Разве не ты сама говорила: постоялый двор дармоедов не держит? — Толстяк заложил руки за рукава, приняв самый добродушный вид, сулящий процветание.

Линь Юэ, стоявшая посреди них — совсем крошечная, — производила впечатление несколько растерянной. Она протянула руку и дернула хозяйку за платье.

— Я хочу есть. — В ее черных глазах отчетливо отражался силуэт хозяйки.

Сердце хозяйки мгновенно растаяло.

— Дармоедов мы не держим, так что эта малышка останется со мной — буду ее баловать. — С этими словами хозяйка взяла Линь Юэ за руку.

— Ма Цзянян! — гневно окликнул ее сзади толстяк.

— Чего орешь?! Мой постоянный двор — что хочу, то и делаю! — Хозяйка обернулась и рывкнула на него, а затем вновь повернулась к Линь Юэ, озарив ее прежней ласковой улыбкой.

— Вообще-то это я привел девчонку. — Пусть толстяк и сердился, он всё же поплелся за ними на кухню и приготовил для Линь Юэ миску лапши в карамели: — На, съешь всё до конца, слышишь!

Порция, приготовленная толстяком, оказалась огромной. Линь Юэ огляделась — рядом не было никаких столовых приборов, — и уже собиралась зачерпнуть лапшу руками, как чья-то теплая ладонь накрыла ее ручонку.

— Ах ты ж глупышка, как же можно есть грязными руками? — В глазах хозяйки промелькнула нежность. Она достала платок и тщательно вытерла Линь Юэ руки, прежде чем вручить ей ложку. Линь Юэ немного поколебалась, словно дикий зверёк: сначала зачерпнула раз, но ложка не слушалась, зато потом дело пошло всё слаженнее и слаженнее, и она принялась уплетать за обе щеки.

Наевшись и напившись досыта, Линь Юэ наконец смогла подумать о другом. Ей всё казалось, что имя хозяйки где-то уже звучало, но вот где именно?

— Чжу Фугуй, уже поздно, ступай постели девочке постель, а я спать. — Хозяйка сладко зевнула и собралась встать.

— Чего? Разве не ты собиралась заботиться о девочке? Почему опять я? — Толстяк опешил и тут же принялся возмущаться.

— Я забочусь о тебе, а ты о девочке, значит, я косвенно забочусь и о ней. Есть с этим какие-то проблемы? — Хозяйка бросила на него взгляд и невозмутимо добавила.

Толстяк лишился дар речи. Хозяйка взмахнула рукавом и плавной походкой удалилась, оставив толстяка горестно вздыхать:

— Мелкая, послушай меня, смотри в будущем не вздумай превратиться в такую женщину...

А Линь Юэ тем временем пребывала в полном оцепенении. Она наконец-то поняла, почему имя хозяйки показалось ей знакомым, и догадалась, почему она оказалась именно здесь! Выходило, что этот толстяк — отец Линь Юэ из этого маленького мирка, а только что ушедшая хозяйка — ее мать! Боже мой! Оказывается, первоначальная хозяйка тела была приемной дочерью, неудивительно, что после того, как она последовала за учителем, она наотрез отказывалась возвращаться домой! И неудивительно, что этот Фу Мяо с таким легким сердцем бросил Линь Юэ.

Толстяк продолжал ворчать, пока стелил постель, а закончив, заодно решил провести с Линь

Юэ «воспитательную беседу». Потерявшая всякое терпение Линь Юэ оборвала этого помешанного на чистоте толстяка одной фразой:

— Я хочу писать.

Жизнь текла своим чередом, и временами было скучновато. Кроме мытья посуды, у Линь Юэ не было никаких забот. Если уж очень сильно постараться и найти себе занятие, то разве что помогать Чжу Фугую дегустировать новые блюда и высказывать свое мнение. Кулинарное мастерство Чжу Фугуя было просто безупречным; с таким талантом — и прозябать на крошечном постоялом дворе — казалось довольно странным. Впрочем... Линь Юэ погладила свой круглый животик — да и ладно, какая разница! Проживет так пару лет, оплатит этим двоим за доброту, а потом отправится на поиски Тинтин. Только бы Тинтин не сердилась, что она так долго к ней шла.

— Юэр! — раздался снаружи голос хозяйки Ма Цзяонян. — Куда это запропастилась девчонка?

— Хозяйка, я здесь! — вприпрыжку выбежала Линь Юэ, прищулив глазки и сияя лучезарной улыбкой. Ничего не попишешь: раз уж она сейчас несмышленный ребенок, грех не воспользоваться возрадом для милых детских капризов. А раз с помощью умиления можно жить припепеваючи, она вовсе не возражала.

— Иди сюда, сегодня у нас было много гостей. На, держи леденец на палочке в награду. — Ма Цзяонян присела на корточки и с мягкой улыбкой погладила Линь Юэ по голове.

Линь Юэ радостно приняла угощение:

— Спасибо, хозяйка!

Ммм, леденец и впрямь невероятно сладкий! Как же в древности всё-таки неудобно, сладостей вечно не хватает!

Толстяк вышел с кухни, вытирая руки, и с порога возмутился:

— Ма Цзяонян, ты в своем уме? Такая кроха, как Юэ-эр, на ночь глядя наедается леденцов — о чем ты только думала?! — Он вспыхивал от малейшей искры, словно пороховая бочка. Подойдя ближе, он наклонился и отобрал у Линь Юэ засахаренный фрукт: — Вечером есть леденцы запрещено, поняла?

Линь Юэ жалобными глазами уставилась на заветную палочку. Былой возраст возрастом, но уступить она не собиралась. Надув губки, она мгновенно наполнила глаза слезами:

— Уа-а! Дядя Толстяк злой, хочу леденец! У-у-у!

От такого плача Линь Юэ толстяк растерялся и тут же засуетился:

— Не плачь, не плачь ты! На, забирай, только не реви! — С этими словами он сунул леденец обратно в руки Линь Юэ.

Линь Юэ тут же расплылась в улыбке. Она с наслаждением принялась грызть леденец, всем своим видом показывая, что ей совершенно некогда слушать споры взрослых.

— Ха-ха-ха, Чжу Фугуй, и на твоей улице праздник. — Эта картина позабавила Ма Цзяня до глубины души. Сколько они себя помнили, Чжу Фугуй всегда ладил с детьми куда лучше нее, но теперь-то ребенок впервые предпочел отшить самого мастера детских сердец!

Знакомые с малых лет, они понимали друг друга с полувзгляда. Чжу Фугуй бросил на Ма Цзяня выразительный взгляд, фыркнул и бросил:

— Пойду спать, не собираюсь с вами возиться.

Проводив взглядом широкую спину толстяка, Линь Юэ повернула голову и звонким голосом спросила Ма Цзяня:

— Хозяйка, дядя Толстяк рассердился?

Голосок ее звучал мягко и нежно, вызывая умиление.

— Нет, не обращай на него внимания. — Ма Цзяня потрепала Линь Юэ по макушке. — Давай-ка этой ночью Юэ-эр поспит с хозяйкой.

Улыбка на ее лице постепенно угасла, а в глазах, устремленных на Линь Юэ, мелькнула какая-то неуловимая, глубокая печаль.

Словно затронутая этой тоской, Линь Юэ кивнула, не раздумывая, и... тут же горько об этом пожалела. Ма Цзяня спала из рук вон плохо: всю ночь она стискивала Линь Юэ в объятиях так крепко, что та не могла сомкнуть глаз половину ночи, пока наконец, сраженная усталостью, не провалилась в сон.

Линь Юэ проснулась оттого, что ей стало нечем дышать, и замахала руками. Придя в себя и увидев собственные пухлые детские ручонки, она с горечью осознала: черт побери, она действительно застряла в древности! Какая же это всё-таки муторная жизнь.

— Малышка... — пробормотала сквозь сон Ма Цзяня. Уголки ее глаз увлажнились слезами, и с этим шепотом она прижала Линь Юэ еще крепче.

Подобное обращение натолкнуло Линь Юэ на множество догадок, и она наконец поняла, почему первоначальную владелицу тела удочерили. Вот только... сама она вовсе не стремилась стать дочерью Ма Цзяня — ее целью было сделаться ученицей Цинь Цзяня, а затем в открытую привести Бэй Тинтин в секту. Но где же сейчас искать этого Цинь Цзяня?

Не успела она вывести хоть какие-то следы Цинь Цзяня, как в один прекрасный день Ма Цзяня получила письмо. Руки, державшие конверт, заметно дрожали.

— Что случилось? — Толстяк оттолкнул какого-то посетителя и с суровым лицом направился к ней. Они вечно пилили друг друга, словно лезвие ножа острое меча, и безбожно язвили, но стоило Ма Цзяня столкнуться с трудностями, как Чжу Фугуй первым бросался ей на помощь. По их собственному выражению, в этом и заключался их способ сосуществовать.

— Моя бабушка тяжело больна, — губы Ма Цзяня подрагивали.

— ...Ты... собираешься возвращаться? — помолчав с полминуты, глухо спросил толстяк.

— ...Прости меня. — Ма Цзяня опустила голову, и ее молчание сказало громче любых слов.

— Ну ты и даешь, Ма Цзяня! Когда-то ты заявила, что хочешь сбежать из дома — хорошо, я пошел за тобой! Больше трех лет тащился с тобой в эту глушь, где даже птицы не поют! Твои боевые искусства не так уж хороши — кто выручал тебя из передраг? Кто грудью вставал перед вредными клиентами, не боясь нажить врагов, чтобы сохранить этот постоянный двор? У твоего постоянного двора такая безупречная репутация — сколько здесь заслуг меня, простого повара! Ха-ха! Мы выросли вместе, моя матушка хотела нас поженить, но ты отказалась, посчитав меня недостаточно красивым, и расторгла помолвку, а я и слова не сказал! Тебе приглянулся тот никчемный увалень — ладно, я помог тебе свести их! Если бы в день вашей свадьбы я не прикрыл жениха и не выпил за него всю выпивку, смог бы он вообще войти в брачный чертог?! Когда этот ублюдок избил тебя так, что ты потеряла ребенка, я отходил его до полусмерти, в итоге три месяца парился в тюрьме! А когда твоя семья принудила тебя выйти замуж во второй раз и ты сказала уходить — хорошо, я увез тебя! Столько лет прошло, я наивно думал, что даже если твое сердце сделано из камня, я смогу его растопить... И подумать только: стоит прийти какому-то письму, как ты тут же срываешься назад! Ну конечно, возвращайся, будь примерной дочерью и внучкой! А я всего лишь игрушка, которую ты потаскала за собой несколько лет, куда мне тянуться до такой избалованной барышни! — С этими словами Чжу Фугуй сорвал с головы поварской колпак и со всего маху швырнул его на землю.

Лицо Ма Цзяня побелело как полотно. Глядя на удаляющуюся спину Чжу Фугуя, она изо всех сил закричала хриплым голосом:

— Нет, Фугуй, вернись!

Она бросилась за ним слева, но споткнулась и упала прямо на землю. Заливаясь слезами, она размазывала по лицу грязь, выглядя при этом донельзя жалко и растерянно. Линь Юэ шагнула вперед ихватила Ма Цзяня за руку, но та никак не сдвинулась с места. И то верно: сейчас

она была совсем крохой, разве могла она сдвинуть с места взрослого человека?

— Не плачь.

Видя, что Ма Цзяонян не шевелится, Линь Юэ протянула руку и рукавом вытерла ей лицо:

— Толстяк-дядюшка вовсе не сердится, не плачь.

— Я знаю, я всё знаю! — горько зарыдала Ма Цзяонян. — Но как я, увядший цветок, женщина, что не способна родить ребенка, могу портить ему жизнь!.. — Она крепко обняла Линь Юэ и горько заплакала, совершенно не заботясь о том, что Линь Юэ вообще ничего в этом не понимает.

Оказывается, это была не безответная любовь.

— Не плачь... — механически произнесла Линь Юэ.

Она гладила Ма Цзяонян по спине, делая это раз за разом. Так прошло немало времени, пока девочка вдруг не заметила на земле чью-то тень. Подняв голову, она обнаружила, что ее накрыла огромная фигура. Линь Юэ испуганно ахнула, а в следующее мгновение крепкие руки подхватили ее и подняли в воздух, одновременно поддерживая застывшую от удивления женщину.

— Кто сказал, что у нас нет детей? Юэр — наш ребенок.

Толстяк улыбнулся так широко, что глаз было не разглядеть, и сверкнул рядом ослепительно белых зубов.

— Ты... неужели ты все это время подслушивал! Ах ты! Ты сделал это специально...

Смущенная и рассерженная Ма Цзяонян ущипнула толстяка за бок. Впрочем, она только что выплакалась, и ее покрасневшие опухшие глаза придавали ей вид женщины, которая просто капризничает.

Толстяк был толстокож: он и не отрицал, и не подтверждал услышанное. Они крепко обнялись.

А Линь Юэ, которую толстяк держал на руках прямо посередине между ними, в этот момент думала лишь о том, как ей хочется умереть.

— Вам не кажется, что сначала было бы лучше опустить меня на землю, а уже потом целоваться? — уныло изрекла она, вернув к реальности парочку, погруженную в пучину любви.

Те поспешно отстранились друг от друга. Ма Цзяонян со смущенным лицом снова ущипнула толстяка за поясницу, а тот ответил Линь Юэ щелбаном по лбу:

— Совсем кроха, а уже набираешься дурных привычек.

— Да за что ты бьешь Юэр?! — возмутилась Ма Цзяонян, едва это увидела. Она шлепнула толстяка по руке и прижала Линь Юэ к себе: — Посмотрел бы лучше, с кого она берет пример, на себя бы оборотился.

— Айя, жена, как же ты могла, стоило завести ребенка, совсем забыть о муже! — наигранно расплакался толстяк с жалобным выражением лица.

— Тьфу, еще и в помине ничего нет, а туда же — мелешь всякую чушь! — с кокетливым укором бросила Ма Цзяонян, топнула ножкой и поспешила вернуться на постоянный двор.

Толстяк опрометью бросился следом за ней.

А Линь Юэ, прижатая к той самой пышной груди в объятиях Ма Цзяонян, думала о том, что ей хочется умереть. Какая я вам к черту дочь?! Имейте же совесть! Проявите хоть капелюку уважения!

Но высказать это вслух она не могла. И-и-и! Почему она такая мягкосердечная? Она ведь определенно добрая душа с мягким сердцем! И-и-и! Раз она так умеет делать добрые дела, Тин-мей наверняка похвалит ее, если узнает (нет, конечно). И тогда Линь Юэ решила просто смириться с ролью новых родителей.

Эта мысль полностью развеялась в день их свадьбы, когда толстяк напоил ее вином вместо воды, а затем запер в чулане. Тот, кто захочет быть их дочерью — круглый дурак! Линь Юэ, которая провела целый день и ночь в состоянии полного алкогольного отупения, в сердцах отвернулась и показала Чжу Фугую спину.

— Хе-хе, малышка Юэ-Юэ, не сердись на папочку. Тебе ведь уже целых пять лет, нужно спать самой, понимаешь? — Чжу Фугуй с бесстыдным видом придвинулся к самому лицу Линь Юэ.

— Хм! — Линь Юэ отвернулась и даже смотреть на него не стала.

— Ах ты чертов пьянчуга! — Ма Цзяонян со злости снова ущипнула толстяка. — Разве так ведут себя отцы?

Хотя на словах она и отчитывала толстяка, на деле она принялась его выгораживать:

— Юэ-Юэ, умница, прости своего папочку на этот раз.

Линь Юэ посмотрела на нее своими чистыми, блестящими черными глазами, словно говоря: «Муж дороже дочери», выражая всем своим видом крайнее недовольство.

Эта умилительная картина заполнила сердце Ма Цзяня материнской нежностью, и она крепко обняла Линь Юэ:

— Юэ-Юэ, хорошая моя Юэ-Юэ, ты абсолютно права, твой папа — просто негодяй! Сегодня будешь спать с мамой, мама расскажет тебе сказку.

— А я? А как же я? — жалобно протянул толстяк, похожий на брошенного щенка.

В конце концов бесстыдный толстяк Чжу втиснулся на кровать вместе с ними. Стоило ему лечь, как кровать жалобно заскрипела.

— Айя, тише ты, — раздался в темноте недовольный голос Ма Цзяня.

— И впрямь хлипкая кроватка, — пробормотал толстяк. — Завтра же поменяю.

Малышка Линь Юэ, зажата посередине между ними, чувствовала себя донельзя уставшей душой, потерявшей всякий вкус к жизни. Перестаньте шарить руками туда-сюда через меня! Почему вы оба все время меня трогаете?! И-и-и!

Погружаясь в дремоту, Линь Юэ сквозь сон слышала чей-то разговор...

— ...Мы действительно должны вернуться в столицу?

— Она все-таки наша бабушка, нужно вернуться и проводить ее в последний путь...

После тяжелого вздоха Линь Юэ окончательно провалилась в сон.

Месяц спустя их «семья из трех человек» все же стояла у городских ворот столицы. Толстяк держал Линь Юэ за руку с несколько скованным выражением лица, Ма Цзяня несла купленные в дороге фрукты, а позади них шел навьюченный поклажей мул. Сперва пойдём на постоянный двор, умоемся с дороги, а завтра уже отправимся ко мне домой. Ма Цзяня повернулась и зашагала в сторону постоянного двора.

Толстяк всегда во всём слушался Ма Цзяня, не стал долго раздумывать и на этот раз, подхватил Линь Юэ на руки и последовал за ней.

Вечерняя трапеза по традиции началась с того, что толстяк бесстыдно отбирал у собственной дочери Линь Юэ еду, которой её кормила Ма Цзяня, а завершилась безоговорочной победой

Линь Юэ.

Иногда Линь Юэ думала: как было бы здорово, окажись эти двое её настоящими родителями. Пусть толстяк и вёл себя порой бессовестно, бесцеремонно подшучивая над ней, но стоило Линь Юэ заскучать, как он тут же волшебным образом извлекал откуда-то засахаренное яблоко на палочке и заявлял:

— Нет таких неприятностей, которые нельзя было бы уладить одним леденцом. А если всё-таки найдётся проблема — значит, понадобятся два.

Тогда Линь Юэ спросила его:

— И как же леденец помогает всё уладить?

— А вот скажи, когда ты ешь сладкое, тебе весело? — хитро прищурившись, наставлял толстяк.

— Весело, — кивала она.

— Вот и отлично. Когда на душе радостно, любое дело спорится, — продолжал он, ласково поглаживая Линь Юэ по голове.

А Ма Цзяонян была точно такой же матерью, как и все остальные женщины на свете, и в то же время баловала Линь Юэ сильнее любой из них. Стоило Линь Юэ присесть, как ей тут же предлагали лечь, а если та ложилась, её ни за что не заставляли бы сидеть. Ма Цзяонян даже сама кормила девочку с ложечки, потому что ей было жаль утруждать дочь, а вечерами она неизменно зажигала лампу и шила для неё наряды. Сейчас готовой одежды накопилось столько, что Линь Юэ могла бы с десяток дней переодеваться, не повторяясь.

Если бы... они и впрямь оказались её настоящими родителями, как же это было бы прекрасно.

— Юэ-эр, что такое? Переживаешь, что скоро увидишься с дедушкой и бабушкой? — толстяк опустился рядом с Линь Юэ на ступени и ласково потрепал её по макушке.

Линь Юэ сидела на крыльце, подперев щеки руками, сложенными на коленях:

— Кто сказал, что я боюсь? Даже ты не испугался, а я-то и подавно!

Сидящий перед ней мужчина перед самым возвращением в столицу умудрился «затащить её матушку в постель», из-за чего их побег в своё время расценили не иначе как похищение. Линь Юэ вздохнула — пожалуй, лишь ради того, чтобы узаконить её положение, он тогда и решился на всё это.

— А имя Чжу Юэ мне совсем не нравится...

Толстяк пристально посмотрел на неё:

— Вообще-то, тебя зовут Ма Юэ...

Линь Юэ бросила на него ледяной взгляд:

— Ступай-ка туда, где попрохладнее, и сиди там.

— Тц, непутёвый ребёнок, как ты разговариваешь с отцом! — с этими словами толстяк легонько щелкнул её по лбу. — Люди в клане Ма и правда непростые, но мы побудем там всего месяц, а в следующем уже уедем, потерпи немного. — Он достал засахаренное яблоко на палочке, — Кто виноват, что твой отец — всего лишь бедняк?

С этими словами он поднялся, отряхнул пыль с задницы и горделиво зашагал прочь.

— Как же, поверю я тебе, — глядя ему в спину, еле слышно пробормотала Линь Юэ.

Хотя внешне она выглядела ребёнком, в глубине души её скрывалась душа невесть скольких прожитых лет. Из обрывков услышанных за последнее время разговоров уже можно было сложить цельную историю. Никаким бедняком клан Чжу не был — напротив, они славились как богатейшие купцы. Иначе с чего бы старому господину Чжу водиться в лучших друзьях со старейшиной клана Ма? А ведь семейство Ма принадлежало к высшим кругам чиновничества, старейшина рода занимал высочайшие посты при дворе, а его ученики и последователи исчислялись тысячами. Беда была лишь в том, что покойный старейшина женился на скверной женщине; после его смерти семейство вознамерилось выдать Ма Цзяонян за племянника её собственной матери. Ма Цзяонян взбунтовалась, и как раз в разгар этой ссоры объявился тот самый негодяй, одурманил ей голову, ну а дальше... всё покатилося по нынешней дорожке.

Хорошенько выспавшись ночью, Линь Юэ уже мысленно приготовилась к войне и скандалам, но стоило им переступить порог особняка Ма, как женщины рода встретили их сплошным благодушием. Все наперебой обнимали Ма Цзяонян, осыпая её самыми ласковыми словами. А толстяк, приведя себя в порядок, выглядел весьма солидно: скорее статным, чем толстым. Несколько молодежи украдкой бросали на него жгучие взгляды, и Линь Юэ заметила, как Ма Цзяонян украдкой ущипнула мужа за руку. Она предпочла сделать вид, будто ничего не заметила, как вдруг кто-то ухватил её за щеку:

— Ой, сестрица, какая же у тебя дочка ладная!

— Ай, погляди на эти брови — черные, густые, вылитый зять...

Погодите-ка, уважаемая тётушка, мои брови вовсе не такие страшные! И вообще, я вам не

восковой мальчик из мультика!

— Они что, объелись чего-то? — тихо спросила Ма Цзянянь, притянув мужа поближе и шепча ему на ухо.

— Хех, неужели ты думаешь, что муж твой все эти годы зря старался налаживать связи? — Толстяк и сам был озадачен, но решил списать всё на магию денег — в конце концов, все знали, что его отец богат как Крез, иначе семейства давно бы вернули сбежавшую Ма Цзянянь силой.

Однако обе женщины очень скоро поняли, что толстяк лишь хвастался. Причиной всеобщего ажиотажа оказался вошедший во двор молодой человек в белых одеждах, за спиной которого покоился старинный гуцинь.

— Господин Цинь так хорош собой!

— Господин Цинь! Можно мне брать у вас уроки игры на цине?

— Господин Цинь...

Двор вмиг превратился в шумный базар. Ма Цзянянь вспыхнула и с презрением сплюнула:

— А я-то ломала голову, с чего это здесь столько чужих жён собралось. Оказывается, всё дело в нём.

<http://bllate.org/book/21666/2235477>